

УДК: [737.1+681.7.062+688.732.4+642.727](510-82):291.337(=512.175)

Китайские изделия в культовой атрибутике якутов

Розалия Иннокентьевна Бравина,

доктор исторических наук, заведующая сектором археологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск.

E-mail: bravinari@bk.ru

Виктор Михайлович Дьяконов,

кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора археологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск.

E-mail: dyakonov_vm@rambler.ru

Вячеслав Петрович Зайцев,

научный сотрудник отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург.

E-mail: sldr76@gmail.com

Тэцу Масумото,

сотрудник отдела охраны культурных ценностей Управления по делам образования при администрации префектуры Осака, Осака, Япония.

E-mail: tet-ma@kg8.so-net.ne.jp

В статье описываются и анализируются найденные на территории Якутии китайские предметы — монеты, бронзовые зеркала, бубенчики и т.д. В преобладающем большинстве они представляют собой случайные находки частных лиц и неизвестны широкому кругу исследователей. В задачи статьи входят: атрибуция артефактов китайского происхождения, определение места и времени их производства, возможных путей проникновения, выяснение форм и способов их адаптации к традиционной культуре якутов XVII — начала XX в. На примере культовой атрибутики, имеющей китайские истоки, предполагается рассмотреть проблему культурных заимствований, которые осуществлялись на территории Якутии в контексте формирования местных культурных традиций, а также их последующей имитации в обрядовой практике якутов.

Судя по форме, орнаментальному декору и семантике якутских металлических украшений *кюн*, якуты унаследовали в своей культуре древние китайские традиции, перенятые, вероятно, их предками задолго до освоения Ленского края. Это также подтверждается исследованиями истории происхождения якутских ритуальных сосудов *чорон*, схожих по своей форме с китайскими треножниками

бронзового века, известными в археологической литературе под названием *ли*. Северный край не был простым потребителем импортных предметов, не слепо копировал готовые образцы, а, творчески осмысливая, наполнял их новым религиозно-мифологическим содержанием, придерживаясь своих исконных традиций. Это хорошо показано на примере китайских монет, т.н. монет *дом*, применявшихся в магическо-ритуальных действиях якутских шаманов.

Проникновение предметов китайского импорта в Якутию усилилось в связи с открытием Нерчинской ярмарки (1689) и торговой слободы Кяхта (1728), что было зафиксировано в материалах сопроводительного инвентаря якутских погребений XVIII в.

Ключевые слова: Якутия, обрядовая культура, культовая атрибутика, археологические памятники, китайские монеты, бронзовые зеркала, бубенчики, триподы.

Chinese goods in the religious paraphernalia of Yakuts.

Rosalia Bravina, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Yakutsk, Russia. E-mail: bravinari@bk.ru.

Victor Dyakonov, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Yakutsk, Russia. E-mail: dyakonov_vm@rambler.ru.

Viacheslav Zaytsev, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia. E-mail: sldr76@gmail.com.

Masumoto Tetsu 柁本哲, Cultural Property Preservation Division, Osaka Prefectural Board of Education, Osaka, Japan. E-mail: tet-ma@kg8.so-net.ne.jp.

This paper describes and analyzes Chinese objects found in Yakutia, such as coins, bronze mirrors, bells, etc. In the vast majority of cases they are accidental finds by individuals and are not widely known to researchers. The goals of this paper are: the attribution of artifacts of Chinese origin, the identification of the place and time of their production, and possible pathways to Yakutia, understanding the ways and methods of their adaptation to the traditional culture of the Yakuts of 17th — beginning of 20th century. Taking as an example religious paraphernalia which have Chinese origins, the authors try to address the problem of cultural borrowings, which were carried out in the territory of Yakutia, in the context of the formation of local cultural traditions, as well as their subsequent simulation in the ritual practice of Yakuts.

Judging by the form, ornamental decor and semantics of Yakut metal discs (*kün*), the Yakuts have inherited in their culture ancient Chinese traditions, probably taken over by their ancestors long before the development of the Lena area. This is also confirmed by studies of the history of the origin of the Yakut *choron* ritual vessels, which are similar in shape to Chinese Bronze Age tripods known in the archaeological literature as *li*. The northern area was not merely a consumer of imported goods, and did not blindly copy ready-made models, but creatively reworked them, filling them with new religious and mythological content, according to their ancestral traditions. This can be well illustrated by the example of Chinese coins, the so-called *dom* coins, which were used in the magic-ritual actions of Yakut shamans.

The penetration of Chinese imported goods to Yakutia increased due to the opening of the fair at Nerchinsk (1689) and trade settlement at Kyakhta (1728), as is evidenced by the grave goods accompanying Yakut burials of the 18th century.

Keywords: Yakutia, ceremonial culture, religious paraphernalia, archaeological sites, Chinese coins, bronze mirrors, bells, tripods.

Проблема проникновения предметов китайской культуры в такой отдалённый регион, как Якутия, ещё не подвергалась специальному изучению. В своё время Г.В. Ксенофонтов в работе «Ураангхай-сахалар» писал, что «картина товарообмена и экономических связей между разными племенами» «столь же стара, как и древний Китай, мощное влияние которого не могли не чувствовать искони веков мелкие племена бассейна Амура, Южной Сибири... и население бассейна Лены» [16, с. 30]. В качестве аргументов своего предположения он приводил этнографические и фольклорные данные. На этот вопрос, исходя из данных археологии, впервые обратил внимание А.П. Окладников, который, рассматривая найденные в Якутии сосуды чжоуского стиля с р. Виллюй, втульчатые наконечники копий иньского времени, укуланский меч и т.д., отметил их связь с культурой бронзового века Китая [22, с. 168—172]. Вместе с тем находки китайских предметов в археологических памятниках Якутии, за исключением предметов сопроводительного инвентаря якутских погребений XV—XVIII вв., единичны. Больше всего они фиксируются в культовой атрибутике и обрядовой практике якутов. В этой связи одной из задач настоящей статьи является атрибуция и интерпретация китайских изделий, выявленных в фондах музеев республики, а также в частных коллекциях случайных сборов. На примере культовой атрибутики, имеющей китайские истоки, предполагается рассмотреть проблему заимствований, которые осуществлялись на территории Якутии в контексте формирования местных культурных традиций, а также их последующей имитации в обрядовой практике якутов.

АТРИБУЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КИТАЙСКИХ ПРЕДМЕТОВ В КУЛЬТОВОЙ АТРИБУТИКЕ ЯКУТОВ

Монеты. Самой ранней найденной в Якутии китайской монетой пока является «у-чжу» (кит. 五銖, букв. '[монета весом в] пять чжу'¹), обнаруженная в культурном слое III многослойной стоянки Улахан Сегеленнях на р. Токко и относящаяся к последней серии выпуска этих монет

¹ Данный тип монет известен в литературе также под именем «у-шу», происходящим от другого чтения иероглифа *чжу* 銖, а именно: *шу*. Заметим, что чтение шу (но не *чжу*) фиксируется в переводных китайских словарях, начиная с XIX в. (например, китайско-русском словаре архимандрита Палладия и П.С. Попова, китайско-английском Г. Джайлса, китайско-русском епископа Иннокентия и др.), однако не подтверждается современными китайскими академическими лексикографическими источниками. Не приводит его и «Большой китайско-русский словарь» (М., 1983—1984). Отмечая данный факт, мы оставляем дискуссию о причинах этого за рамками нашей работы.

VI в. [2, с. 67, рис. 3]. Такие изделия достаточно часто встречаются в археологических памятниках Забайкалья и Монголии и значительно реже на территории Южной Сибири [30, с. 52]. А.Н. Алексеев связывает найденные в Якутии монеты с хунно-сяньбийским периодом — временем появления на её территории первых кочевников-скотоводов [2, с. 67]. Следующая находка представляет собой клад, случайно обнаруженный в Хангаласском районе республики в 1998 г. Он состоял из 147 китайских монет эпохи правления династии Северная Сун (960—1127 гг.) [28]. Монеты находились в четырёх керамических сосудах, описываемых автором находки (на слова которого А.Д. Степанов ссылается, но по имени не называет) как «круглодонные, с тремя ребристыми валиками», которые, к сожалению, в дальнейшем были утрачены. Эти сосуды, содержащие каждый по 36 монет, были зарыты на глубину 15—20 см в четырёх местах — по сторонам света — вокруг холма с сухим деревом *Ытык-Мас* — священном дереве духов местности или шамана. Три монеты располагались возле самого дерева на глубине 6—7 см. По предположению А.Д. Степанова, эта очевидная ритуальность совместно с числовой символикой свидетельствует о доякутском происхождении жертвенного клада и, возможно, связана с монгольскими корнями, подверженными влиянию китайской религиозной культуры, тем более что из ближайших к Якутии территорий, находки подобных монет отмечены в монгольских погребениях Восточного Забайкалья [28, с. 153].

Находки китайских монет также известны из якутских погребений XVII—XVIII вв.: монеты династии Мин (периода Ваньли 萬曆, 1573—1620 гг. правления императора Шэнь-цзуна и периода Чунчжэнь 崇禎, 1628—1644 гг. правления последнего императора династии Сы-цзуна) и монеты династии Цин (периода Шуньчжи 順治, 1644—1661 гг. правления первого императора династии Ши-цзу и периода Канси 康熙, 1662—1722 гг. правления императора Шэн-цзу), которые использовались в качестве женских украшений [10, с. 84; 19, с. 157].

По этнографическим и фольклорным данным, якуты использовали китайские монеты в шаманской практике и атрибутике. В начале XX в. в Оканском (ныне Болтогинском) наслеге Чурапчинского района, на месте бывшей усадьбы удаганки Сылааннай, под коновязью был найден клад китайских монет в берестяном коробе *тымтай*. Клад обнаружил Сыллыкы — Д.П. Сивцев, глава отцовского рода Уока. Привязав короб к седлу своего коня, Сыллыкы привёз монеты домой и, прокипятив их в ведре, чтобы очистить от ржавчины, закопал в укромное место в лесу. Судя по вышеприведённому отрывку, монет было достаточно много. Через некоторое время в доме Сыллыкы дважды случился пожар. Приглашённый шаман объяснил это мезьей шаманки, которая потребовала свои монеты назад, т.к. это были не простые монеты, а «монеты „дом“, ритуальные, с квадратным отверстием для плевка» [РО ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 48. Л. 24—25. Саввин А.А. Заметки по этнографии якутов. 1938, 1939, 1941 гг.]. Видимо, речь идёт об обряде поимки шаманом злого духа,

причинившего недуг. При этом шаман наклонялся к больному месту, втягивал воздух в себя, издавая характерный звук, похожий на втягивание жидкости в рот, затем трижды плевался, произнося: «Дом!» / «Дом — слово, имеющее смысл закрепляющей, завершающей концовки к заклинанию» [23, с. 124, 230—232]. По примечанию А.Е. Кулаковского: «Припев исключительно шаманский: „дом-дом“ — слова, произносимые после целебного плевка...» [17, с. 275]. В языках тюрко-монгольских народов термин «дом» означает «магия», «магическое средство», «заговор от болезни» и т.п. [11, с. 396]. Наличие собственно якутского названия с сакральным смыслом и ритуальная функциональность китайских монет позволяют делать вывод о достаточной их распространённости среди якутов.

Инородные элементы материальной культуры в традиционной мифоритуальной практике приобретали особое содержание. Привозные вещи как наиболее ценные часто преподносились в качестве подарка духам. В шаманских текстах, записанных А.А. Поповым в бывшем Вилюйском округе, присутствует самостоятельное «камлание при жертвоприношении северным злым духам крестовой монеты и красного платка» [23, с. 234—244]. Монеты представляли собой серебряный рубль Петра I или Павла I. Шаман обращался к духу со словами заклинания: «Ты, отважный, подобно табачному дыму, развейся, отделил я тебя алым шёлковым платком... крестовой монетой заставил тебя удалиться! Дом! (*плюёт*)». Затем ему подавали маленький берестяной турсучок, куда шаман клал платок и монету, и, предварительно завернув в берёсту, велел положить в укромное сухое место [23, с. 242].

Импортные предметы столь успешно интегрировались в шаманской атрибутике якутов, что сегодня уже трудно выявить, заменяли ли они настоящие исконно якутские изделия или же якуты сами стали изготавливать их копии. Например, среди железных привесок шаманского костюма присутствовал пришиваемый к плечу медный кружочек диаметром в 5 см с отверстием в центре. Привеска называлась «*ёлюю луо балыгын бюёрэ*» (букв. «почки смертной рыбы *луо*») [РО ИГиПМНС СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 64. Л. 22. Саввин А.А. Шаманы. Записи со слов сказителей и знатоков. 1935—1941 гг.]. По некоторым данным, из духов нижнего мира главными являются Луо Хан господин, Луога Хан госпожа. По предположению Н.А. Алексеева [3, с. 115], под этим словом подразумевался дракон, который занимает центральное место в китайской мифологии (ср. с кит. *лун* 龍 «дракон»). Вполне допустимо, что китайские монеты, используемые в культовой практике и образ мифического животного *луо* — дракона — в сознании якутов связывались с далёкой страной под названием Кытай или Кытат [22, с. 379]. В.Л. Серошевский писал, что якуты «о китайцах знают, что они живут далеко на юге; их государство часто описывается в сказках, а верховный владыка их зовётся Богдо-хан» [26, с. 242]. Во всяком случае, китайские монеты с квадратным отверстием посредине выполняли роль вспомогательной атрибутики в шаманской практике якутов.

Зеркала. Бронзовые зеркала в прошлом являлись непременной принадлежностью шаманов тунгусо-маньчжурских и тюрко-монгольских народов Сибири и Дальнего Востока. По шаманистским представлениям монголов и бурят, зеркала *толи* изготавливались небесными кузнецами и сбрасывались на землю [20, с. 191], что отчасти свидетельствует об их древнем происхождении. Зеркала прикреплялись к платью шамана: одно на грудь, другое на спину. В Музее археологии и этнографии СВФУ им. М.К. Аммосова на костюме тунгусского шамана имеется привязанное бронзовое китайское зеркало² (рис. 1а). Зеркало деформировано (согнуто) и обрезано в нижней части, возможно, в целях облегчения или получения какого-то небольшого количества металла. Реконструируемый диаметр зеркала примерно 18 см (рис. 1б). По периметру зеркала проходит

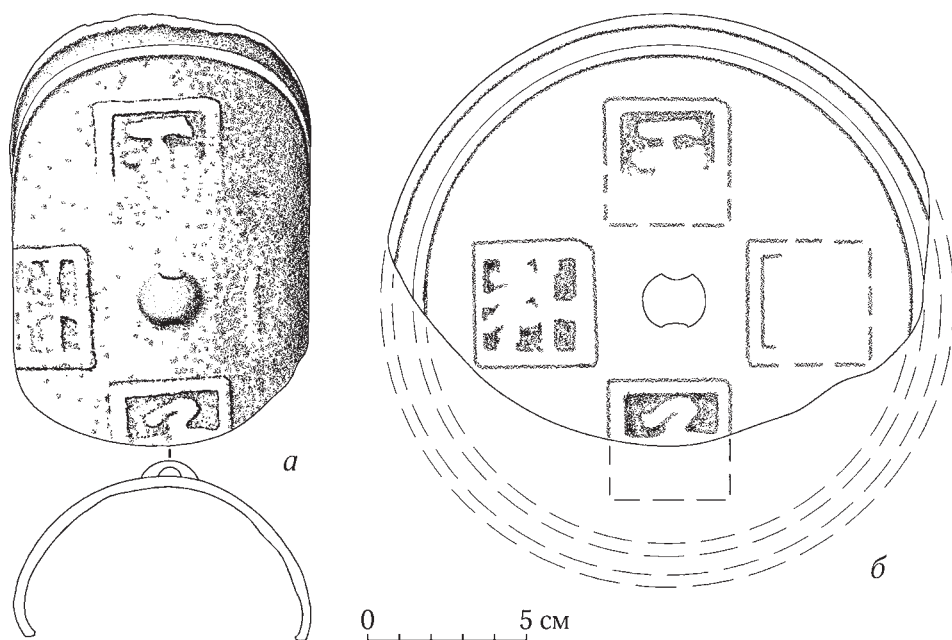

Рис. 1.

а — зеркало с эвенкийского шаманского костюма. *Источник:* МАЭ СВФУ КП-2, 308/1; б — Развёртка деформированной поверхности и реконструкция общего вида зеркала

парный ободок из выступающих валиков шириной до 0,35 см и высотой до 0,2 см, разделённых «ложбиной» шириной 0,6—0,85 см. Лицевая сторона чистая, без каких-либо посторонних отметин и царапин. На оборотной стороне зеркала частично сохранилась китайская надпись-благопожелание из четырёх иероглифов, написанная крестообразно и читаемая сверху вниз, справа налево: «*у цзы дэн кэ* 五子登科 „пять сыновей выдержали (или: выдержат) государственные экзамены“»³. Каждый иероглиф заключён в квадратную рамку размером 4×4 см.

² МАЭ СВФУ КП-2, 308/1.

³ Е.И. Лубо-Лесниченко предлагает перевод: «Пять сыновей [как во время оно] Доу да выдержат государственные экзамены» [18, с. 99, № 265].

Выражение «*у цзы дэн кэ*» употребляется для пожелания счастья новобрачным или в качестве общих благознаменательных слов. Восходит к популярному рассказу о некоем Доу Юйцзюне (寶禹鈞), жившему в период Пяти Династий (907—960), прозванному также по месту своего происхождения — Доу Яньшань (寶燕山). Доу был известен своими пятью сыновьями, которые, благодаря строгому родительскому наставлению и руководству, выдержали экзамены и достигли высоких государственных должностей. Эта история упоминается в биографии одного из сыновей — Доу И (寶儀), включённой в раздел жизнеописаний «Истории Сун» (Сун ши 宋史, цз. 263). Намёк на неё содержится также в «Троесловии» (Сань цзы цзин 三字經) (ср.: [18, с. 99, № 265]).

Плохая сохранность надписи не позволяет сравнить её с известными образцами на других зеркалах полностью, однако характер исполнения видимых частей иероглифов, особенно первого штриха иероглифа *цзы* 子 «сын», находит аналогии среди зеркал XIV—XVI вв. эпохи Мин, хранящегося, например, в Музее городского округа Ляочэн в пров. Шаньдун КНР [34, с. 918] (рис. 2) или обнаруженного в Минусинской котловине и сберегаемого в Государственном Эрмитаже [18, рис. 92].

Причины гнутой деформации зеркала остаются неизвестными. Возможно, это было сделано в целях усиления эффекта звона, брэнчания, или для какого-то ритуального обряда.

В этом плане интерес представляют металлические диски, пришиваемые к костюму якутских шаманов. Посредине спины находился железный круг с отверстием в центре *кюсэнгэ*, который прикрывал «глаз спины» (*кёхсюн харага*) — наиболее уязвимое место человека, находящееся на спине в центре позвоночника. Существовало поверье, согласно которому шаман, потерявший *кюсэнгэ*, лишается силы и может погибнуть. Примечательно, что у тувинцев шаманские бронзовые зеркала назывались *кююнгю* [8, с. 7]. Металлическая круглая бляха *кюн* (букв. «солнце») прикреплялась либо на спине, либо спереди, над грудью. Поскольку шаманский плащ *куму* впереди не сходил, то её нашивали на правую полу. *Кюн* — символическое изображение солнца, которое являлось знаком принадлежности шамана солнечному, т.е. Среднему миру, и служило ориентиром в его путешествии по Нижнему миру, а также обладало магическим свойством оберегать от злых духов. Круглая пластина *ьй* (луна), иногда железная или бронзовая, нашивалась на левую полу шаманского

Рис. 2. Зеркало из Музея городского округа Ляочэн, пров. Шаньдун, КНР.
Источник: [34, с. 918]

плаща, параллельно бляхе *кюн*. Она использовалась шаманом для освещения дороги при возвращении из Нижнего мира [4, с. 147].

Обережное значение имел серебряный круг женского комплекта нагрудного украшения *илин кэбисэр*, который назывался также *кюн* или же *туосахта* (рис. 3). Украшение *кюн* входило и в набор мужского серебряного пояса, а по фольклорным данным также называлась серебряная пластинка военного доспеха, защищающая грудь [9, с. 111]. По археологическим данным, серебряные круги имелись как на женских, так и на мужских шапках. На женских шапках диаметр их колеблется от 8 до 16 см, на мужских — от 7 до 11 см. Все найденные бляхи изготовлены из серебра, а находящиеся в их центре ажурные кружочки — из меди. Некоторые из них декорированы гравированным криволинейным или растительным орнаментом [15, с. 57]. *Кюн* придавали особое магическое значение, особенно в обрядах, связанных с богиней Айыысыт (покровительницей рожениц), в которых прослеживается её защитная роль [25, с. 110—111].

Вполне возможно, что якутские круглые украшения *кюн* являлись имитацией бронзовых зеркал. Древнейшие находки китайских зеркал в Юж-

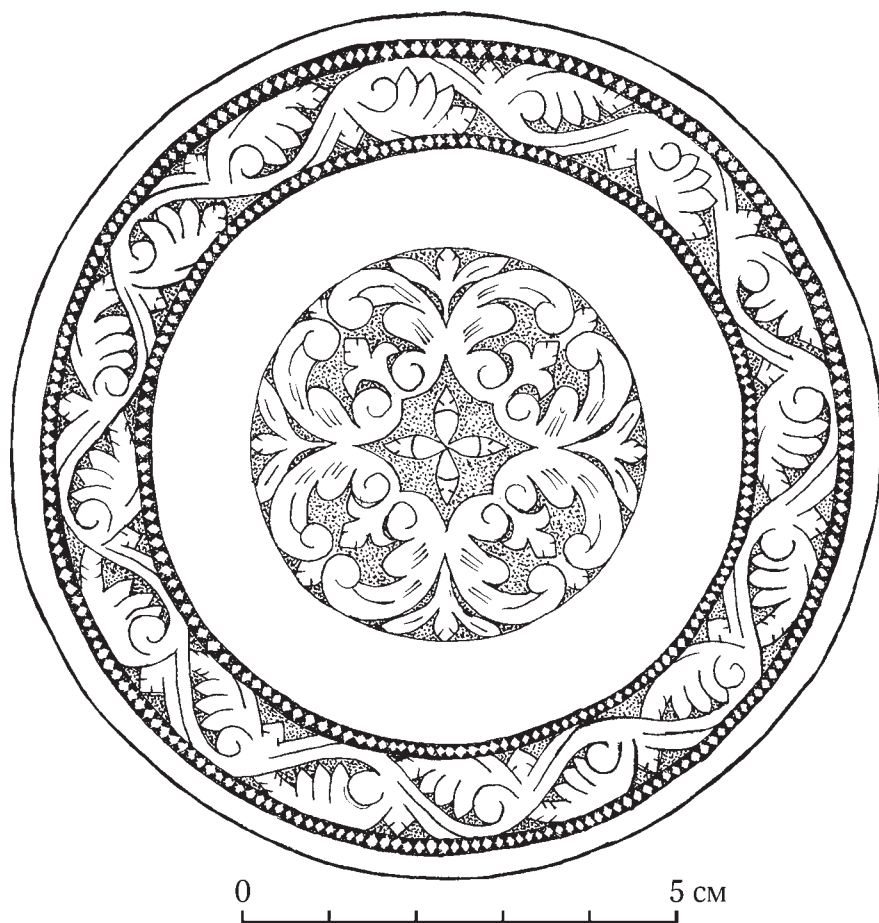

Рис. 3. Якутский *кюн* — украшение женской шапки

ной Сибири датируются VIII в. до н.э. [29, с. 50]. Зеркала были важной статьёй импорта из Китая. Свидетельством непосредственных контактов населения Китая и Сибири является сложившаяся в первых веках нашей эры гибридная сибирско-китайская форма зеркал: плоские, с отогнутым наружу бортиком (в древности они были вогнутыми), и шишкой-петлёй в центре. Широко практиковалось изготовление местных подражаний китайским зеркалам [5, с. 193—194]. В ряде раннесредневековых могил тюрков отмечены фрагменты металлических зеркал с отверстием, что, вероятно, отражает их использование как своего рода подвесок-амулетов. При этом отмечается устойчивое расположение рассматриваемых изделий в области головы умершего человека [31, с. 117—119]. В якутских погребениях XV—XVIII вв. серебряные круги *кюн* встречаются, как правило, в погребениях с богатым предметным инвентарём и в большинстве случаев находятся в теменной части головы [7, с. 107, рис. 62а].

Якутские украшения *кюн* проявляют сходство с бронзовыми зеркалами и по своему орнаментальному декору. По мнению У. Йохансен, основные мотивы их узоров происходят от «самого простого орнаментального выражения» китайской модели космоса в виде 4-х, 8-ми и 12-ти конечного крестообразного орнамента, украшенного завитками, т.н. бараньими рогами. При этом исследовательница отмечает, что у якутов и других скотоводческих народов Сибири деление времени и вселенной похоже на китайское. Например, якуты представляли мать-землю в виде восьмигранной фигуры. Согласно предложенной Йохансен гипотезе, узор внешнего обода якутского серебряного круга *кюн* повторяет китайский небесный орнамент и символизирует облака [12, с. 76—85].

В частной коллекции краеведа П.Р. Ноговицына хранится фрагмент китайского бронзового зеркала, случайно обнаруженный во время земляных работ в долине Эркээни в Хангаласском районе Якутии в 2014 г. Фрагмент имеет наибольшие размеры — 6,2×4,0 см, толщину 0,3 см, — и относительно удовлетворительную сохранность (рис. 4). Диаметр сохранившегося диска — 3,7 см. По окружности прототипа зеркала располагалась лента с иероглифической надписью. На найденном зеркале она выглядит как

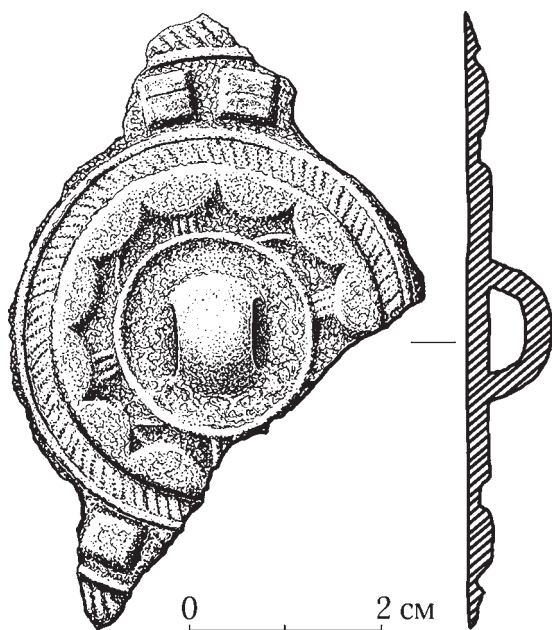

Рис. 4. Фрагмент зеркала из Хангаласского района

как

лента из квадратных сегментов (иероглифы в результате многократного копирования и повторной отливки узора превратились в геометрический орнамент — «квадраты» — и на данном фрагменте не читаются)⁴. Таких сегментов на осколке сохранилось лишь три.

Лента ограничена с обеих сторон круговыми линиями (ободками). Судя по сохранившемуся фрагменту, по краю зеркала (после утраченного бортика) располагалось кольцо из косых параллельных линий, примыкавшее к ленте с «квадратами-иероглифами». С другой стороны с последней граничит такая же круговая полоса косых параллельных линий, к которой в свою очередь прилегает кольцо, чья внутренняя сторона образует 12 арок (от них на фрагменте осталось 9 штук). В центре зеркала находится вылитая вместе с диском шишка-петля длиной 1,2 см, шириной в центре 0,9 см, высотой 1,0 см. Размеры отверстия в ней — 0,6×0,7 см. Шишка окружена ободком, от коего к кольцу из арок крестообразно отходят 4 выпуклых тройных линии, на равном расстоянии между которыми от него же отходят четыре кривых линии в виде «запятых», загнутых вправо.

По всей видимости, фрагмент представляет собой многократно перетливавшуюся копию зеркала, выполненного в традиционной западно-ханьской традиции. Ориентируясь на характерное фигурное оформление орнаментального поля в виде продолжающихся арок, наличие ленты из иероглифов и круглого основания для шишки-петли, можно высказать следующие соображения о возможных прототипах этого зеркала и датировке.

В специальной литературе такие зеркала традиционно делятся на типы, получившие своё название от встречающихся в их надписи иероглифов: *жигуан-цзин* 日光鏡 (букв. «зеркала [типа] „солнечный свет“»), *чжаомин-цзин* 照明鏡 (букв. «зеркала [типа] „отражающие ясно“») и т.д. Очевидно, что для типологического изучения и дальнейшей разработки подробной классификации китайских бронзовых зеркал, найденных при археологических раскопках в восточноазиатском регионе, такой типологии недостаточно, поскольку она не учитывает, как минимум, разницу в графической форме знаков в надписях. В связи с этим уместно использовать классификацию и хронологию, предложенную японским исследователем Хидэнори Окамура. Согласно ей, стиль зеркал, являющихся, как мы полагаем, прототипами якутской находки (рис. 5), принадлежит уникальной серии, в которой начертание иероглифов в надписи на ленте слишком стилизовано. Группа зеркал этого стиля получила типологическое название *итайдзи-мэйти-кэ* 異体字銘帶鏡 (букв. «зеркало с лентой, [содержащей] надпись из нестандартных иероглифов или: иероглифов необычной формы»). По хронологии и изменениям в начертаниях иероглифов Окамура выделяет шесть типов таких зеркал (рис. 6) [36, с. 19—22]. Заметим, что их датировка, положенная в основу хронологической схемы,

⁴ Если сравнить якутскую копию с оригинальным зеркалом подобного стиля (об этом см. далее по тексту), например, с зеркалом № 176, найденным в Хуай-хэ 淮河 в Китае [35, с. 86; plate 24] (рис. 5), легко заметить, что у оригинала присутствует чёткость узора во всех деталях, а у якутского экземпляра этого почти нет.

основана на надёжно датируемых совместных находках. Например, одно зеркало типа III (по классификации Окамура), найденное в могиле № 5 из раскопок близ дер. Хучан (胡場) в пров. Цзянсу КНР, сопровождала деревянная дощечка с надписью, из которой следовало, что погребённый умер в 71 г. до н.э., а в следующий год был захоронен. Другое зеркало этого типа найдено в могиле № 40 из раскопок близ городского уезда Динчжоу 定州 (ранее Динсянь 定縣)

Рис. 5. Зеркало № 176, найденное в Хуай-хэ 淮河 в Китае. Источник: [35, plate 24]

в пров. Хэбэй КНР. Там же были обнаружены бамбуковые дощечки с записанными на них текстами, некоторые из которых содержали даты. Самая поздняя из них (56 г. до н.э.) определяла нижнюю временную границу возведения могилы, что позволило идентифицировать и погребённого — чжуншаньского Хуай-вана Лю Сю (中山懷王劉修), умершего, согласно китайским историческим источникам, в 55 г. до н.э. Последний VI-й тип (по Окамура) связан с зеркалом, найденным в 1924 г. при раскопках могильников эпохи Аннана или Наннана (кит. Лолан 樂浪) близ дер. Согамни (석암리, 石巖里), располагавшейся к юго-западу от Пхеньяна, по другую сторону р. Тэдонган, в волости Тэдонган уезда Тэдон пров. Пхёнан-Намдо (сейчас здесь квартал Кванмун района Наннан Пхеньяна, КНДР). Зеркало датируется 6 г. н.э. по дате, содержащейся в самой надписи на ленте.

С учётом этих и других подобных данных, а также характерных особенностей каждого из шести выделенных типов зеркал *итайдзи-мэйтий-кё*, была разработана следующая хронологическая схема: типы I и II соответствуют 100—70 гг. до н.э., тип III — 70—50 гг. до н.э., тип VI — началу I в. н.э., а типы IV и V располагаются в рамках второй половины I в. до н.э. (рис. 6). Такая хронология почти не идёт вразрез с японскими и корейскими находками этого времени.

Как уже говорилось, прототип фрагмента зеркала из Хангаласского района восходит к группе зеркал *итайдзи-мэйтий-кё*. Но какой именно тип надписи должен быть на якутской копии зеркала, определить затруднительно, поскольку на копии иероглифы совершенно не читаются. Тем не менее, судя по форме вершины основания, этот фрагмент скорее всего связан

Даты	150		100		50		до н.э.	н.э.
Этапы ханьских зеркал	1	2	3		4			
Зеркала типа <i>итайдзи-мэйти-кэ</i>								

Рис. 6. Типология ханьских зеркал *итайдзи-мэйти-кэ*. Сост. по: [36]

с типами III—VI, т.е. он является средневековой репликой зеркал западно-ханьского стиля первой половины I в. до н.э. — первой половины I в. н.э.

В Отделе физико-химических методов анализа Института геологии алмаза и благородных металлов СО РАН (г. Якутск) С.К. Поповой был проведён рентгено-спектральный микроанализ зеркала. Изучение проводилось при помощи сканирующего электронного микроскопа JEOL JSM-6480LV. В ходе исследования применялось ускоряющее напряжение 20 кВ с током зонда 1,10 м. Было проанализировано 5 точек на зеркале (4 с тыльной стороны — 3 точки на петельке и 1 точка на одной из арочек орнаментальной композиции, 1 — с лицевой гладкой стороны), усреднённые данные по которым дали следующий поэлементный состав металлов и полуметаллов (в весовых процентах, т.е. сотая часть какой-либо массы): Cu — 42,743; Sn — 21,526; Pb — 12,126; Zn — 3,539; Mg — 0,46; Al — 0,304; As — 0,12; Fe — 0,021. Остальные элементы, относящиеся к окислам и компонентам, по-видимому, попавшим в предмет из почвы, распределяются таким образом: O — 14,826; Cl — 1,916; S — 1,11; Si — 1,008; Ca — 0,426; P — 0,343; K — 0,097. Судя по проведённому анализу, зеркало выполнено из сплава меди, олова и свинца, а основу составляет медь. В составе присутствовали также цинк и следы магния, алюминия, мышьяка и железа. Судя по данным И.В. Богдановой-Березовской [18, с. 131—149], проанализировавшей состав бронзовых зеркал из Минусинской котловины, в X—XIV вв. по образцу древних ханьских зеркал делались их копии, хорошо отличимые от ранних по составу, в котором концентрация свинца и олова увеличивается, а мышьяк присутствует только в следах, что не соответствует рецепту ранних зеркал.

Бубенчики. Колокольчики и бубенцы являются одними из основных атрибутов сибирских шаманов. Согласно Н.А. Алексееву, функциями и колокольчиков, и бубенцов был призыв духов-помощников [4, с. 22, 147, 150, 155, 165—166, 169, 172, 175]. У якутских шаманов к костюму пришивались бубенец и бронзовые колокольчики в количестве от одного до трёх.

В 2013 г. в фонд Нюрбинского музея дружбы народов им. К.Д. Уткина поступил бронзовый бубенчик с китайскими иероглифами, найденный возле карьера в 200—300 м к западу от с. Кюндядя, расположенного на правом берегу р. Вилюй. Диаметр бубенчика — 2,5 см, размеры ушка — 1×1 см (рис. 7). Бубенчики подобного типа (формы исполнения и рисунка) встречаются как на территории Китая, так и за её пределами, в т.ч. на Дальнем Востоке и в Сибири. Из них несомненный интерес представля-

ет бубенчик с костюма шамана из коллекции Иркутского областного краеведческого музея. Костюм предположительно принадлежал бурятскому шаману из Нерчинского уезда Забайкалья и датируется концом XIX в. [33, с. 34—35]. Данный бубенчик как по своей форме, так и по рисунку полностью идентичен бубенчику из Нюрбинского музея.

На обоих бубенчиках представлена одна и та же китайская надпись благопожелательного характера, состоящая из двух иероглифов, читаемых сверху вниз: *цюань син* 全興 «полная/всецелая радость, веселье», «полностью преуспевать» и т.п. Надпись повторяется дважды и присутствует на каждой половине бубенчика. Говоря о графической форме знаков, можно отметить, что не возникает проблем с интерпретацией первого иероглифа — *цюань* 全 (его форма достаточно легко узнаваема), второй же — *син* 興 написан в виде нечастотного иероглифического варианта, близкого по форме вариантам / и /, зафиксированного, например, в собрании разнописей знаков, встречающихся на металле и камне *Цзиньши вэньцзы бянь* и 金石文字辨異 (1810 г.) [37, цз. 6, с. 459—460]. Кроме этого, графика знака *син* 興 на обоих бубенчиках искажена, возможно, из-за повторявшегося копирования (повторного отлива) первоначального рисунка. Искажение выражается в закруглении вертикальных черт иероглифа.

В традиционной культуре тюрко-монгольских народов Сибири звон металла осмысливался как нечто магическое, ритуальное, считалось, что он обладает особой очистительной силой. Бубенчики широко использовались как украшение в детской и женской одежде, а также в конской сбруе. На бубенчиках якутской работы с нижней стороны обычно имеются узкие крестовидные прорезы.

Ритуальная посуда. Одним из главных и неперемных атрибутов якутского праздника *Ысыах* является деревянный кумысный кубок *чорон*, который бывает двух типов: на коническом поддоне и на трёх ножках, последние иногда стилизованы под конские копыта. По мнению А.Н. Алексеева, *чороны* первого типа являются результатом модификации хуннских бронзовых котлов, а происхождение *чоронов* на трёх ножках исследователь, вслед за В.А. Киселем [13, с. 70—77], связывает с глиняными *триподами*, которые появились в Китае ещё в неолите, а затем распространились в Центральной Азии и Южной Сибири, в т.ч. в Забайкалье, в непосредственной близости от южных границ Якутии [1, с. 55—56, рис. 8]. Аргументами, подтверждающими данное предположение, являются находки

Рис. 7.
Китайский бубенчик
из с. Кюндядя.
Нюрбинский музей

глиняных ножек-подставок в поселениях раннеякутской кулун-атахской культуры XIV—XVI вв., а также существование у якутов до начала XX в. разнообразных глиняных сосудов на трёх ножках. А.Н. Алексеев обращает внимание и на сходство китайских *триподов* и якутских *чоронов* в семантическом плане. Разновидность треножников, известная в археологической литературе под названием *ли* (кит. 鬲), стала в бронзовом веке в Китае одной из распространённых форм жертвенных сосудов культа плодородия, а праздник *Ысыах* у якутов, символом которого выступает чорон, так же посвящён плодородию Природы и Человека [1, с. 59]. Следует отметить, что в якутских погребениях чороны встречаются довольно редко. Некоторые из них на трёх ножках и украшены простым геометрическим орнаментом. По своей форме они значительно отличаются от традиционных кумысных сосудов тем, что их устье намного шире тулова. Интерес вызывает размещение кумысных сосудов, наполовину вкопанных в землю между двумя погребениями на родовом кладбище Дьорго и в надмогильную насыпь погребения Абалах в Мегино-Хангаласском районе [7, с. 222—223, 226—227, 272—273]. Эти погребения, датируемые XVIII в., видимо, свидетельствуют о проведении неких особых ритуальных действий на похоронах.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ КИТАЯ С ЯКУТИЕЙ

Культовая атрибутика, имеющая привозной характер, позволяет также рассмотреть проблему заимствований, которые осуществлялись на северо-востоке Сибири и Дальнего Востока. Судя по форме, орнаментальному декору и семантике якутских металлических украшений *кюн*, якуты унаследовали в своей культуре древние китайские традиции, приобретённые, вероятно, их предками задолго до освоения Ленского края. Это также подтверждается исследованиями происхождения якутских ритуальных сосудов *чорон* на трёх ножках, схожих с китайскими треножниками бронзового века *ли*. В Монголии и Забайкалье керамические *триподы* чаще всего встречаются в культуре плиточных могил и культуре хунну. В то же время следует отметить, что и на самой территории Якутии отмечается присутствие хуннского или хунно-сяньбийского влияния, свидетельством которого выступает монета «*у-чжу*», найденная в поселении Улахан Сегеленнях. Появление таких монет в Сибири исследователи связывают с экспансией хунну в I в. до н.э. — рубеже н.э. [2, с. 67]. Проникновение китайских предметов и их копий в Якутию продолжалось и в средние века, что подтверждается случайной находкой фрагмента зеркала западноханьского образца и ритуальным кладом китайских монет чеканки династии Северная Сун.

В раннеякутской кулун-атахской культуре XIV—XVI вв. китайские предметы представлены бусинами, в т.ч. нефритовой [10, с. 18], и бисером чёрного и белого цвета [6, с. 30—31]. Вероятно, якуты их получали

в результате сложной перекрёстной меновой торговли: якутов — с тунгусами, тунгусов — с чжурчжэнями⁵, которые в свою очередь вели торговлю с Китаем. Это частично подтверждается схожестью техники бисерной вышивки якутов и народов Приамурья [27, с. 233]. В то же время нельзя исключить возможность существования прямых торговых контактов между Якутией и Китаем. В 1668 г. из Якутска доносили в Москву, что «богдойские люди с ...ясачными людьми торгуют, и дают им в подарках за соборли кольца серебрянные, и луки, и азямы, и камки, и иные товары, и призывают к себе в Дауры на Зийские сторонние речки и за Зию-реку, и якуты мест проведывают, где бы им откочевать» [24, док. № 139, с. 281]. В челобитной 1695 г. говорится о якутах Батурусской волости, которые «от изгони ясачных зборщиков жилища свои покинули и в Китайскую сторону отъехали» [32, с. 286].

Проникновение в Якутию предметов импорта из Китая усилилось в связи с открытием Нерчинской ярмарки (1689) и пограничной станции Кяхта (1728). В якутских погребениях XVIII в. встречаются бисер чёрного, белого и синего цвета, одежда из китайской хлопчатобумажной ткани *даба*, декор одежды и платки из шёлка, лаковая посуда (иногда с иероглифами), листовый табак, курительные трубки *хамса*, монеты *чохи* и т.д. Помимо выполнения определённых магических функций, импортные изделия являлись престижным элементом материальной культуры, и многие признаки свидетельствуют о том, что их владельцы принадлежали к зажиточным слоям общества. Так, в арангасном захоронении, исследованном А.П. Окладниковым в м. Аякит, в 15 км ниже приполярного Булуна по левому берегу Лены, помимо предметов местного производства найдено отполированное кольцо из белого нефрита, схожее с кольцами, имевшими распространение у народов Приамурья. На груди костяка уцелела одежда из китайского шёлка с меандроподобным геометрическим узором, на груди находились две полоски сукна, шитые голубым и синим бисером [21, с. 123—124]. В погребении Ынах Сысыыта в Нюрбинском районе на р. Виллой на покойнике были надеты шёлковая рубаха жёлтого цвета, суконные штаны и украшенная бисером обувь из толстой фабричной ткани. В состав сопроводительного инвентаря входили китайский шёлковый халат, неякутской работы маленькая деревянная чашка на поддоне с остатками лака, четырёхгранная бутылка и медный чайник фабричной работы с клеймом года выпуска «1732». Здесь же обнаружены связка 50 беличьих шкур и одна шкурка красной лисицы, полный комплект парадной конской сбруи. В 24,5 м к западу от этого погребения находилось захоронение четырёх коней [14, с. 184—185]. Погребение, несомненно, принадлежало богатому человеку, возможно торговавшему пушнина. Начиная с третьей четверти XVIII в., китайские изделия постепенно исчезают из состава инвентаря якутских погребений и заменяются русскими предметами.

⁵ В XVII в. станут известны под самоназванием маньчжуры.

Таким образом, отдалённость Ленского края от древних караванных дорог, торговых и культурных центров Центральной Азии и Южной Сибири, его изолированность, в силу природно-климатических условий существенно ограничили возможности китайской цивилизации оказывать значимое влияние на местные традиции. В культуре якутов китайские изделия в целом использовались для реализации определённых культовых действий. Следы заимствования отдельных черт китайской культуры прослеживаются в период хуннского преобладания в Центральной Азии (со II в. до н.э. по III в. н.э.) и в домонгольское время вероятно через посредство тунгусо-маньчжурских и монгольских племён Приамурья и Забайкалья. При этом импортные предметы зачастую теряли своё изначальное функциональное назначение и наполнялись новым содержанием, подчиняясь мифоритуальным представлениям и верованиям, неоднократно копировались, появлялись их имитации, воспроизведённые в новых материалах с использованием аборигенных технологий. Объём и удельный вес китайских товаров в хозяйстве и материальной культуре коренных народов существенно увеличились с присоединением Якутии к Российскому государству и развитием русско-китайской торговли, что подтверждается материалами якутских погребений XVIII в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как было показано, найденные в Якутии предметы китайского происхождения в большинстве случаев бытовали в качестве реквизита для ритуальной практики. Подобный опыт использования предметов иноэтнического происхождения характерен и для других народов. В силу своей необычности и редкости, такие вещи чаще попадали в руки избранных, в т.ч. и служителей культа, преподносились в качестве жертвенного дара духам и постепенно наполнялись новым религиозно-мифологическим содержанием. Со временем некоторые из них терялись и взамен появлялись копии. Например, в роли заместителя китайских монет в шаманской практике якутов с XVIII в. оказываются российские серебряные монеты и немецкие счётные жетоны. Возможно, мифология творилась и вокруг самих находок. Так, круглая форма бронзовых зеркал послужила основой для изображения с их помощью солнечного и лунного дисков. Воспользовавшись ими в качестве образца, якуты на протяжении столетий отшлифовали собственный символический знак, указывающий на их принадлежность к «солнечному улусу божеств айыы». Вполне возможно, что привозные предметы поддерживали уже создавшиеся образы, традиции, систему функционирования металлического атрибута в религиозно-обрядовом комплексе, его центральную роль в ритуале. Северный край не был простым потребителем привозных вещей, не слепо копировал готовые образцы, а, творчески осмысливая их и придерживаясь своих исконных традиций, наполнял новым религиозно-мифологическим содержанием.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алексеев А.Н. О происхождении якутских чоронов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 1(10). С. 55—61.
2. Алексеев А.Н. Ранние кочевники в Якутии // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2013. Т. 10. № 5. С. 62—69.
3. Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX — начале XX вв. Новосибирск: Наука, 1975. 199 с.
4. Алексеев Н.А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири (опыт ареального сравнительного исследования). Новосибирск: Наука, 1984. 233 с.
5. Барина Е.Б. Влияние материальной культуры Китая на процессы инкультурации Средней Азии и Южной Сибири в домонгольский период. М.: ИЭА РАН, 2011. 450 с.
6. Бравина Р.И., Дьяконов В.М. Раннеякутские средневековые погребения XIV—XVII вв.: совокупность отличительных признаков // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 3 (13). С. 27—32.
7. Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV—XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.
8. Вайнштейн С.И. Тувинское шаманство // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Москва, август 1964 г. М.: Наука, 1964. 12 с.
9. Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1995. 224 с.
10. Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV—XVIII вв.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 192 с.
11. Заболоцкая П.Е. Вибрирующий звук «дом» (лингвокультурологический анализ) // Россия — Монголия: культурная идентичность и межкультурное взаимодействие. СПб.: Изд-во философского ф-та СПбГУ, 2011. С. 395—400.
12. Йохансен У. Орнаментальное искусство якутов: историко-этнографическое исследование. Якутск: Компания «Дани Алмас», 2008. 160 с.
13. Кисель В.А. Якутские чороны и их происхождение // Этнографическое обозрение. 2003. № 6. С. 75—80.
14. Константинов И.В. Захоронения с конём в Якутии (новые данные по этногенезу якутов) // По следам древних культур Якутии (Труды Приленской археологической экспедиции). Якутск: Якут. кн. изд-во, 1970. С. 184—197.
15. Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII века (по материалам погребений). Якутск: Якуткнигоиздат, 1971. 212 с.
16. Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Якутск: Нац. кн. изд-во Республики Саха (Якутия), 1992. Т. I. Кн. 2. 317 с.
17. Кулаковской А.Е. Ырыа-хо оон (Стихи и поэмы). Якутской: Кинигэ изд-вота, 1978. 296 с.
18. Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. С приложением ст. И.В. Богдановой-Березовской. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1975. 170 с. (Культура народов Востока: Материалы и исследования).
19. Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам Саха-французской археологической экспедиции) / под ред. Э. Крюбези, А. Алексеева. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2012. 226 с.
20. Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времён до XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1980. 320 с.
21. Окладников А.П. Ленские древности. Вып. 2: Отчёт об археологических исследованиях на Нижней Лене от Жиганска до Кумах-Сурта в 1942—1943 гг. Якутск: [б. и.], 1946. 187 с.
22. Окладников А.П. Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. Якутск: Якутгосиздат, 1949. 439 с. (История Якутии; Т. 1).
23. Попов А.А. Камлания шаманов бывшего Вилюйского округа. Тексты / сост. Р.И. Бравина. Новосибирск: Наука, 2006. 464 с.

24. Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. I: 1608—1683. М.: Наука, 1969. 614 с.
25. Саввинов А.И. Традиционные металлические украшения якутов: XIX — начало XX века. Историко-этнографическое исследование. Новосибирск: Наука, 2001. 171 с.
26. Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 1993. 736 с.
27. Смоляк А.В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. Этногенетический аспект. М.: Наука, 1984. 246 с.
28. Степанов А.Д. Ритуальный клад сунских монет в Якутии // Известия лаборатории древних технологий: сб. науч. тр. Вып. 9. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. С. 147—154.
29. Стратанович Г.Г. Китайские бронзовые зеркала: их типы, орнаментация и использование // Восточно-азиатский этнографический сборник. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 47—78. (Труды Ин-та этнографии АН СССР. Новая сер.; Т. 73).
30. Тишкин А.А., Серёгин Н.Н. Китайские изделия из археологических памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований. 2013. № 1(7). С. 49—72.
31. Тишкин А.А., Серёгин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул: Азбука, 2011. 144 с.
32. Токарев С.А. Общественный строй якутов XVII—XVIII вв. Якутск: Якут. гос. изд-во, 1945. 414 с.
33. Шаманский костюм: [Альбом-каталог] / автор-сост. О.А. Чернявская. Иркутск: ООО Артиздат, 2004. 80 с.
34. 孔祥星. 中国铜镜图典 = Кун Сянсин. Иллюстрированный словарь китайских бронзовых зеркал. Пекин: Вэньу чубаньшэ 文物出版社, 1992. 952 с.
35. 梁上椿. 巖窟藏鏡 / 田中琢, 岡村秀典 訳 = Лян Шанчунь. Зеркала, хранящиеся в [библиотеке] Яньку / пер. Танака Мигаку, Окамура Хидэнори. Киото: Дōхōсюппан 同朋舎出版, 1989. 157 с.
36. 岡村秀典. 前漢鏡の編年と様式 = Окамура Хидэнори. Хронология и стиль раннеханьских зеркал // Сирич 史林. Киото, 1984. Т. 67. № 5. С. 1—42.
37. 金石文字辨異校釋 / [清] 邢澍 原著; 時建國 校釋 = Критическое и комментированное [издание] «Различия расхождений (вариантов) знаков в надписях на металле и камне» / авт. оригинала (цинский) Син Шу; критика текста и комм. Ши Цзянь-го. Ланьчжоу: Ганьсу жэньминь чубаньшэ 甘肅人民出版社, 2000. 1315 с.
38. РО ИГИИПМНС СО РАН (Рукописный отдел Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН).

REFERENCES

1. Alekseev A.N. O proiskhozhdenii yakutskikh choronov [About the origins of the Yakut chorons]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, 2015, no. 1(10), pp. 55—61. (In Russ.)
2. Alekseev A.N. Rannie kochevniki v Yakutii [First nomads in Yakutia]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova*, 2013, vol. 10, no. 5, pp. 62—69. (In Russ.)
3. Alekseev N.A. *Traditsionnye religioznye verovaniya yakutov v XIX — nachale XX vv.* [Traditional religious beliefs of Yakuts in the 19th — early 20th centuries]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1975, 199 p. (In Russ.)
4. Alekseev N.A. *Shamanizm tyurkoyazychnykh narodov Sibiri (opyt areal'nogo sravnitel'nogo issledovaniya)* [Shamanism of the Turkic speaking peoples of Siberia (an attempt at a regional comparative study)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1984, 233 p. (In Russ.)

5. Barinova E.B. *Vliyanie material'noi kul'tury Kitaya na protsessy inkul'turatsii Srednei Azii i Yuzhnoi Sibiri v domongol'skii period* [Influence of Chinese material culture on enculturation processes of Middle Asia and South Siberia in Pre-Mongol period]. Moscow, Institute of Anthropology and Ethnography RAS, 2011, 450 p. (In Russ.)
6. Bravina R.I., D'yakov V.M. Ranneyakutskie srednevekovye pogrebeniya XIV—XVII vv.: sovokupnost' otlichitel'nykh priznakov [Early Yakut medieval burials of the 14th—17th centuries: distinctive features]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, 2015, no. 3 (13), pp. 27—32. (In Russ.)
7. Bravina R.I., Popov V.V. *Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' yakutov: pamyatniki i traditsii (XV—XIX vv.)* [Funeral ritualism of Yakuts: monuments and traditions (15th—19th centuries)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2008, 296 p. (In Russ.)
8. Vainshtein S.I. *Tuvinskoe shamanstvo* [Tuva shamanism]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 12 p. (In Russ.)
9. Vasil'ev F.F. *Voennoe delo yakutov* [Military art of Yakuts]. Yakutsk, Bichik Publ., 1995, 224 p. (In Russ.)
10. Gogolev A.I. *Arkheologicheskie pamyatniki Yakutii pozdnego srednevekov'ya (XIV—XVIII vv.)* [Archaeological sites of Yakutia of the late middle ages (the 14th—18th centuries)]. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta, 1990, 192 p. (In Russ.)
11. Zabolotskaya P.E. Vibriruyushchii zvuk “dom” (lingvokul'turologicheskii analiz) [Vibrating sound “dom” (linguoculturological analysis)]. *Rossiya — Mongoliya: kul'turnaya identichnost' i mezhekul'turnoe vzaimodeistvie* [Russia — Mongolia: Cultural identity and intercultural communication]. St. Petersburg, Izdatel'stvo filosofskogo fakul'teta SPbGU, 2011, pp. 395—400. (In Russ.)
12. Iokhansen U. *Ornamental'noe iskusstvo yakutov: istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Yakut ornamental art: historical and ethnographic research]. Yakutsk, Kompaniya “Dani Almas”, 2008, 160 p. (In Russ.)
13. Kisel' V.A. Yakutskie chorony i ikh proiskhozhdenie [The Yakutian chorons and their origin]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2003, no. 6, pp. 75—80. (In Russ.)
14. Konstantinov I.V. Zakhoroneniya s konem v Yakutii (novye dannye po etnogenezu yakutov) [Burial with a horse in Yakutia (new data on ethnogenesis of Yakuts)]. *Po sledam drevnikh kul'tur Yakutii (Trudy Prilenskoj arkheologicheskoi ekspeditsii)* [Following the traces of ancient cultures of Yakutia (Transactions of Lena-basin archaeological expedition)]. Yakutsk, Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1970, pp. 184—197. (In Russ.)
15. Konstantinov I.V. *Material'naya kul'tura yakutov XVIII veka (po materialam pogrebenii)* [Material culture of the Yakuts of the 18th century (studies of burials)]. Yakutsk, Yakutknigoizdat, 1971, 212 p. (In Russ.)
16. Ksenofontov G.V. *Uraangkhai-sakhalar. Ocherki po drevnei istorii yakutov* [The Uraangkhai Sakha. Essays of ancient history of Yakuts], vol. 1, pt. 2. Yakutsk, Natsional'noe knizhnoe izdatel'stvo Respubliki Saha (Yakutiya), 1992, 317 p. (In Russ.)
17. Kulakovskii A.E. *Stikhi i poemy* [Verses and poems]. Yakutsk, Knizhnoe izdatel'stvo, 1978, 296 p. (In Yakut and Russ.)
18. Lubo-Lesnichenko E.I. *Privoznye zerkala Minusinskoj kotloviny. K voprosu o vneshnikh svyazyakh drevnego naseleniya Yuzhnoi Sibiri. S prilozheniem stat'i I.V. Bogdanovoi-Berezovskoi* [Imported mirrors of Minusinsk hollow. To the question of external relations of ancient population of Southern Siberia. With an appendix of paper by I.V. Bogdanova-Berezovskaya]. Moscow, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury izdatel'stva Nauka, 1975, 170 p. (In Russ.)
19. *Mir drevnikh yakutov: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy (po materialam Sakha-frantsuzskoi arkheologicheskoi ekspeditsii)* [The world of the ancient Yakuts: an attempt of interdisciplinary studies (on the basis of artifacts obtained by the Sakha-French archaeological expedition)]. Yakutsk, Izdatel'skii dom SVFU, 2012, 226 p. (In Russ.)
20. Mikhailov T.M. *Iz istorii buryatskogo shamanizma (s drevneishikh vremyon do XVIII v.)* [From the history of Buryat shamanism (from the earliest times to the 18th century)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980, 320 p. (In Russ.)

21. Okladnikov A.P. *Lenskie drevnosti. Vyp. 2: Otchet ob arkhеologicheskikh issledovaniyakh na Nizhnei Lene ot Zhiganska do Kumakh-Surta v 1942—1943 gg.* [Antiquities of the Lena. Part 2: The account of archaeological studies of Lower Lena region (from Zhigansk to Kamakh-Surt) in 1942 and 1943]. Yakutsk, 1946, 187 p. (In Russ.)
22. Okladnikov A.P. *Proshloe Yakutii do prisoedineniya k Russkomu gosudarstvu* [Yakutia before its incorporation into the Russian state]. Yakutsk, Yakutgosizdat, 1949, 439 p. (In Russ.)
23. Popov A.A. *Kamlaniya shamanov byvshego Vilyuiskogo okruga: (Teksty)* [Shamanizing of former Vilyui region: Texts]. Compiled by R.I. Bravina. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006, 464 p. (In Russ.)
24. *Russko-kitaiskie otnosheniya v XVII veke* [Russian-Chinese Relations in the 17th century]. Vol. I: 1608—1683. Moscow, Nauka Publ., 1969, 614 p. (In Russ.)
25. Savvinov A.I. *Traditsionnye metallicheskie ukrasheniya yakutov: XIX — nachalo XX veka (Istoriko-etnograficheskoe issledovanie)* [Traditional metal jewelry of Yakuts in the 19th — early 20th centuries (historical-ethnographic study)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2001, 171 p. (In Russ.)
26. Seroshevskii V.L. *Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [Yakuts. An attempt of ethnographic study]. 2nd ed. Moscow, ROSSPEN Publ., 1993, 736 p. (In Russ.)
27. Smolyak A.V. *Traditsionnoe khozyaistvo i material'naya kul'tura narodov Nizhnego Amura i Sakhalina. Etnogeneticheskii aspekt* [Traditional economy and material culture of Lower Amur and Sakhalin peoples: ethnogenetic aspect]. Moscow, Nauka Publ., 1984, 246 p. (In Russ.)
28. Stepanov A.D. *Ritual'nyi klad sunskikh monet v Yakutii* [Ritual treasure of the Song dynasty coins in Yakutia]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of ancient technologies], pt. 9, Irkutsk, Izdatel'stvo IrGTU, 2012, pp. 147—154. (In Russ.)
29. Stratanovich G.G. *Kitaiskie bronzovye zerkala: ikh tipy, ornamentatsiya i ispol'zovanie* [The Chinese bronze mirrors: their types, ornamentations and use]. *Vostochno-aziatskii etnograficheskii sbornik* [East Asian ethnographic collection], pt. 2. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, 1961, pp. 47—78. (In Russ.)
30. Tishkin A.A., Seregin N.N. *Kitaiskie izdeliya iz arkhеologicheskikh pamyatnikov rannesrednevekovykh tyurok Tsentral'noi Azii* [Chinese items from archaeological sites of early Medieval Turkic tribes of Central Asia]. *Teoriya i praktika arkhеologicheskikh issledovaniy*, 2013, no. 1(7), pp. 49—72. (In Russ.)
31. Tishkin A.A., Seregin N.N. *Metallicheskie zerkala kak istochnik po drevnei i srednevekovoi istorii Altaya (po materialam Muzeya arkhеologii i etnografii Altaya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta)* [Metal mirrors as a source for the ancient and medieval history of Altai (based on the materials of the Altai Archaeology and Ethnography Museum, Altai State University)]. Barnaul, Azbuka Publ., 2011, 144 p. (In Russ.)
32. Tokarev S.A. *Obshchestvennyi stroi yakutov XVII—XVIII vv.* [The social organization of the Yakut in the 17th and 18th centuries]. Yakutsk, Yakutskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1945, 414 p. (In Russ.)
33. *Shamanskii kostyum: Al'bom-katalog* [Shaman's costumes: Album-catalogue]. Irkutsk, OOO Artizdat Publ., 2004, 80 p. (In Russ.)
34. Kong Xiangxing. *Zhongguo tongjing tudian* [Illustrated dictionary of Chinese bronze mirrors]. Beijing, Wenwu chubanshe, 1992, 952 p. (In Chin.)
35. Liang Shangchun. *Gankutsu zō kyō* [Mirrors from the collection of Yanku]. Transl. by Tanaka Migaku and Okamura Hidenori. Kyoto, Dōhōsha shuppan, 1989, 157 p., 99 pl. (In Japan.)
36. Okamura Hidenori. *Zen Kan kyō no hennen to yōshiki* [The dating and form of Former Han mirrors]. *Shirin*, Kyoto, 1984, vol. 67, no. 5, pp. 1—42. (In Japan.)
37. Xing Shu. *Jinshi wenzi bian yi jiaoshi* [A critical and commented edition of “Discriminate of characters in inscriptions on metals and stones”]. Collation of the text and commentaries by Shi Jianguo. Lanzhou, Gansu renmin chubanshe, 2000, 1315 p. (In Chin.)